

УДК 316.4

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾*Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Охарактеризована специфика сетевого общества, выявлена социокультурная обусловленность его возникновения и развития. Подчеркивается мысль о том, что творцом сетевого общества, движущей силой его развития является целенаправленно действующий креативный человек. Теоретически эксплицированы структурные компоненты сетевой коммуникационной топологии.

Ключевые слова: сетевое общество; социокультурная обусловленность; структурные компоненты сетевой топологии; креативный человек.

SOCIO-CULTURAL CONDITIONALITY OF SOCIAL NETWORK DEVELOPMENT

Y. M. BABOSOV^a

^a*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Surhanava Street, 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus*

The specifics of the network society are characterized, the socio-cultural conditionality of its emergence and development is revealed. It is emphasized that the purposefully working creative person is a creator of the network society, a driver of its development. Structural components of the network communication topology are explicated in theory.

Key words: network society; socio-cultural conditionality; structural components of network topology; creative person.

Образец цитирования:

Бабосов Е. М. Социокультурная обусловленность развития социальных сетей // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 4–11.

For citation:

Babosov E. M. Socio-cultural conditionality of social network development. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 4–11 (in Russ.).

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Yevgeni M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
babosov@yandex.ru

Формирование, развитие и функционирование любой социальной системы обусловлено специфической определенной социальной среды. Систему социальных сетей выдающийся и наиболее авторитетный специалист в данной области М. Кастельс назвал сетевым обществом. Оно формируется в широкой многообразной социокультурной панораме, в которой важнейшую конструктивную роль выполняют человекосоотнесенные факторы: социально-экономическая ситуация в обществе, доминирующие в нем политические отношения, культурные идеалы, нормы и ценности, исторические традиции, менталитет и жизненный опыт.

Специфика сетевого общества заключается в том, что оно является определенным этапом общественного развития, в котором впервые в истории основной структурной единицей социальной и хозяйственной организации становится не отдельный, индивидуальный или коллективный, субъект, а множество личностей и организаций, составляющих социальную сеть. В таком обществе складывается новая социальная морфология, состоящая из множества многообразных сетей, к которым относятся и рынки ценных бумаг, и бизнес-структуры, и правительственные учреждения, и сети глобальных финансовых потоков, и телевизионные каналы, и социальные институты, и разнообразные компоненты гражданского общества (общественные организации и движения, благотворительные фонды и т. п.). По убеждению М. Кастельса, в сетевом обществе власть заключена в информационных кодах и репрезентативных образах, вокруг которых общества организуют свои учреждения, люди строят свою жизнь и определяют свое поведение [1]. Поэтому сегодня ни обладатели собственности, ни управленцы высших иерархий не выступают вершителями судеб народов и государств, на их место приходят глобальные финансовые сети и институты, являющиеся неравными центрами информационного капитализма [1]. Признавая необходимость глубокого социологического анализа структуры и динамики социальных сетей, М. Кастельс обращает внимание и на тот факт, что «современные общества во все возрастающей степени структурируются вокруг противостояния сетевых систем и личности» [1, с. 112]. Именно в этом он видит одну из характерных особенностей информационной эры, с учетом которой необходимо внести серьезные коррективы в понимание основных тенденций развития государства, гражданского общества и личности, которое сформировалось в индустриальную эпоху. В условиях все более широкого включения личности в разнообразные сетевые структуры резко возрастает значимость внутренней самооценки и самоорганизации личности, ее идентификации и социокультурных ориентаций.

Каждая инновация, новая технология (в том числе технология создания и использования социальных сетей), является большим достижением. Тем не менее, переходя в сферу применения научно-технических новшеств, мы сталкиваемся с вопросом: обладаем ли мы достаточно развитой культурой, изобретая и применяя на практике эти инновации, в данном случае социальные сети?

Значительные философские предпосылки для понимания сущности, содержания и направленности социокультурной обусловленности научной деятельности были сформулированы еще И. Кантом. Придавая решающую роль трансцендентному единству апперцепции (единству самосознания, благодаря которому все данное в сознании многообразии объединяется в понятии об объекте) в пределах теоретического знания, он вместе с тем подчеркивал значимость практического разума, под которым понимал нормативное сознание, различные верования, идеалы, цели, культурные установки, различные предписания, воздействующие на субъект познания извне (из социокультурной сферы).

Подвергнув критике кантовский априоризм, Г. В. Ф. Гегель показал, что отдельному человеку как субъекту познания противостоит мир предметов культуры, овладение которыми позволяет ему развивать в себе способность к теоретическому мышлению.

Большую роль социокультурной обусловленности научной деятельности в развитии науки, в частности математики, раскрыл О. Шпенглер в работе «Закат Европы». Он считал, что именно влиянием культуры определенной эпохи обусловлен тот факт, что «внутренняя структура евклидовой геометрии полностью отлична от картезианской, анализ Архимеда – от анализа Гаусса. <...> Есть множество миров чисел, так как есть множество культур» [2, с. 208]. Развивая эту мысль, О. Шпенглер подчеркивал: «Стиль какой-нибудь возникающей математики зависит от того, в какой культуре она коренится, какие люди о ней размышляют» [2, с. 209]. Такой методологический подход немецкий философ применял ко всему обширному ареалу научных дисциплин. По его утверждению, «физика по своей задаче, методу и результату является выражением и осуществлением конкретной культуры. <...> Все словесно зафиксированные законы суть живые, одушевленные распорядки, исполненные самого сокровенного содержания какой-то одной, притом только этой культуры» [2, с. 568–569].

В таком методологическом ключе можно подходить и к исследованию социальных сетей, учитывая специфику этого нового социально-экономического, социокультурного и технологического феномена. Следует иметь в виду, что социальная сеть представляет собой объединение социальных

акторов и взаимодействий между ними. По своему функциональному предназначению выделяются сети общения, а также политические, экономические, финансовые, коммерческие, социокультурные и другие сети. Кроме того, существуют формальные и неформальные, вертикальные и горизонтальные, кратковременные и долгосрочные социальные сети [3]. В интерпретации М. Кастельса сеть выступает интегральным социальным феноменом, составленным из множества разнообразных индивидуальных и коллективных субъектов и организаций, «непрестанно модифицируемых по мере того, как они приспособляются к поддерживающим их средствам и рыночным структурам» [4, с. 28].

Вследствие того что сетевое общество необычайно многообразно по особенностям составляющих его компонентов, их количественным и качественным характеристикам, способам включения в него различных индивидов, социальных групп и общностей, способам и направлениям воздействия на человека, его ценностным ориентациям и мировоззренческим установкам, в исследовании и интерпретации этого феномена существует довольно много вариаций. Одну из своеобразных и хорошо аргументированных теоретических концепций сетевого общества выдвинул исследователь неравновесных термодинамических и необратимых процессов, физик и физикохимик, лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин. Он подчеркивал: «Сетевое общество – структура неравновесная, возникшая в результате недавних процессов в информационной технике» [5, с. 25]. В нем происходит огромное количество бифуркаций, создающих связанную с вероятностями множественность возможных траекторий развития и их результатов. По этой причине формируются связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие огромное количество новых возможностей. Следовательно, сетевое общество – нелинейная система, в которой нелинейность повышается с увеличением размеров общества и появлением в нем новых сегментов. «Благодаря его (общества. – Е. Б.) масштабам мы можем ожидать рост роли нелинейности и поэтому укрупнения флуктуаций и большей нестабильности» [5, с. 26].

Поскольку творцом сетевого общества и движущей силой его развития является человек, встает вопрос: «Каким будет воздействие сетевого общества на творчество индивидов?» [5, с. 27]. Поиски ответа неизбежно предполагают выяснение социокультурной обоснованности становления и развития сетевых структур, а также обратного воздействия на культуру и социокультурные предпочтения человека.

Существенный вклад в разработку парадигмально-концептуальных оснований исследования коммуникационных взаимодействий в стремительно развивающемся информационном обще-

стве внес выдающийся испанский социолог М. Кастельс. В качестве важнейшей и исходной единицы теоретического анализа он вводит понятие «сеть». Разъясняя свою интерпретацию этого фундаментального понятия социологии и социальных сетей, М. Кастельс пишет: «Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его, – пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействия между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [6, с. 494]. Пространство потоков, по утверждению М. Кастельса, вследствие указанных особенностей «переводит отдельных индивидов, их общности и организации в фиксированную социальную позицию, конструирующую быстро меняющийся поток информационно-коммуникационных взаимодействий» [6, с. 505].

В результате такой трансформации доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. В связи с этим «информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры. <...> Речь идет о начале нового бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования» [6, с. 494, 505].

О большой значимости социокультурной обусловленности развития различных социальных систем убедительно и доказательно говорится в трудах П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона и других социологов второй половины XX – начала XXI в. В частности, Т. Парсонс подчеркивал, что «структура социальных систем <...> состоит из институционализированных стандартов нормативной культуры» [7, с. 695–696].

Основным каналом социокультурной обусловленности социальных систем, в том числе и системы сетевого общества, является культурный код. Социальные структуры М. Кастельс интерпретировал как «организованные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации» [8, с. 41]. Вместе с тем социолог обращает внимание

на значимость процессов кодирования и декодирования для эффективного включения в систему коммуникаций, основанную на сетевой социальной системе. Важно понимать, что такое культурный код и в чем заключаются его особенности. Он выполняет конструктивную роль в социокультурной обусловленности различных социальных процессов в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственные, семейно-бытовые, природно-географические, хозяйственно-экономические, геополитические и смысложизненные особенности, принимаемые как общепринятые нормы самоидентификации людей независимо от их этнической, мировоззренческой или политической принадлежности и передаваемые из поколения в поколение посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа. Культурный код отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих человекоформирующую и человековозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысложизненных предпочтений индивидов и их социальных групп в культурно-цивилизационных границах, свойственных данному народу.

На своеобразие культурного кода белорусской нации существенное влияние оказывает специфика идентичности, ментальности и образа жизни народа, а также традиции и обычаи, наполненные трудной борьбой за национальное и социальное освобождение, государственную самостоятельность. В совокупности все это создает специфический духовный колорит восприятия, понимания и оценки произведений культуры, формирует свойственный белорусам эмпатический тип культуры, который воплощается в отзывчивости, сопереживании и ориентации на ментально-чувственно-эмотивные реакции другого человека, проявляющиеся в жизни и творениях культуры [9, с. 3, 339; 10].

При изучении социокультурной обусловленности развития социальных сетей необходимо учитывать обоюдонаправленность данного процесса, поскольку не только культура оказывает детерминирующее воздействие на сетевое общество как на специфическую социальную систему, но и сетевое общество, в свою очередь, обуславливает возникновение и функционирование новых качественных характеристик культуры. По мнению М. Кастельса, необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, большинство достижений культуры, включенных в интегрированную коммуникационную систему, «значительно ослабляет символическую власть <...> передаваемую через исторически закодированные социальные привычки: религию, мораль, авторитет, традиционные ценности, политическую идео-

логию», которые «слабеют, если не кодируют себя вновь в новой системе» [4, с. 33]; с другой – новая коммуникационная система трансформирует фундаментальные измерения человеческой жизни и порождает новую культуру. «Эта культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения. <...> Это – культура реальной виртуальности» [6, с. 353].

Отвечая на вопрос, в чем же заключается сущность и своеобразие реальной виртуальности, создаваемой коммуникационной сетевой системой, М. Кастельс акцентирует внимание на том, что это «система, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средство, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта» [4, с. 351].

Своеобразие и значимость коммуникационной сетевой системы предопределяются тем, что она переживается через производство, восприятие и потребление знаков, культурных символов. Фундаментальная особенность такого эмоционально насыщенного, культурно сформированного и воплощенного в символах переживания базируется на способности всех форм языка кодировать и приоткрывать разнообразие интерпретаций, которая «и отличает культурные выражения от формального/логического/математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. <...> Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» [4, с. 351].

Развивая эту логическую цепь рассуждений, М. Кастельс утверждает, что новые системы коммуникации основаны на цифровой и сетевой интеграции множества видов коммуникации, характеризуют ее включение и охват всех проявлений культуры. «Благодаря ее существованию все виды сообщений в обществе нового типа работают в бинарном режиме: присутствие или отсутствие в коммуникационной мультимедиа-системе. Только присутствие в этой интегрированной системе позволяет передать и социализовать сообщение. Все прочие сообщения сведены к индивидуальному воображению или ко все более маргинализирующимся субкультурам, где господствуют личные контакты.

С точки зрения общества коммуникация на электронной основе (типографская, аудиовизуальная или компьютерная) и есть коммуникация. Именно из-за диверсифицированности, мультимодальности и неустойчивости новой коммуникационной системы она способна охватывать и интегрировать все формы выражения, так же как и разнообразие интересов, ценностей и воображения, включая и выражение социальных конфликтов. Но цена включения в систему – это адаптация к ее логике, к ее языку, к ее точкам входа, к ее кодированию и декодированию. Вот почему для различных видов социальных эффектов критически важно, чтобы развивалась многоузловая, горизонтальная сеть коммуникаций типа интернета» [4, с. 319].

Культура реальной виртуальности, по мнению автора данного понятия, усиливается появлением все новых и новых информационных технологий и становится фундаментальной характеристикой сетевого общества, что имеет важные последствия для развития и качественного изменения современных социальных процессов и форм. Новое качество массового общества, возникающее на основе реальной виртуальности, а также создания и управления культурными символами, сопрягается с той реальной виртуальностью, что воплощается в интернете и телевидении. В результате стираются грани между естественным и искусственным, рациональным и иррациональным, имманентным и трансцендентным, добром и злом, нравственным и безнравственным. Глобальное распространение виртуальной реальности приводит к утрате опорных нравственных коннотаций в формировании и развитии личности, будь то традиции, память, убеждения. Это приводит к тому, что многие произведения массовой культуры, ее творцы и потребители теряют ориентиры в калейдоскопе противоречивых сюжетов, а сама реальность утопает в виртуальных образах и в такой интерпретации становится частью жизненного уклада человека [11, с. 25].

Процессы социодинамики ориентиров, предпочтений и установок, рожденные интеграцией культуры (калькой виртуальности), а также их изменения становятся неотъемлемым стимулом современного глобализирующегося мира и превращаются в одну из его доминирующих характеристик. Данная тенденция ставит для представителей гуманитарных наук актуальный и важный вопрос: что такое культура сетевого общества? Чтобы дать обоснованный и аргументированный ответ, М. Кастельс выстраивает многостороннюю и многозвенную цепь рассуждений. Она начинается с постулата о том, что общества являются культурными конструктами. Культура понимается «как совокупность ценностей и убеждений, которые информируют, руководят и мотивируют поведение людей. Так, если существует особое сетевое общество, должна

существовать и культура сетевого общества, которую мы можем определить как его исторический маркер. Здесь, однако, многокомпонентность и новизна сетевого общества вновь требуют осторожности. Прежде всего потому, что сетевое общество глобально, оно созидает и объединяет множество культур, связанных с историей и географией каждого уголка мира» [8, с. 54].

Следующим шагом в развитии культурно ориентированных рассуждений М. Кастельса становится утверждение, согласно которому «сетевое общество развивается во множестве культурных образцов, произведенных в каждом конкретном контексте в силу неоднородности истории. Оно материализуется в особых формах, ведущих к формированию сильно различающихся институциональных и культурных систем» [8, с. 54].

Третий шаг в этой цепи рассуждений – это констатация того факта, что вместо возникновения однородной глобальной культуры в качестве магистрального общего тренда мы наблюдаем историческое культурное разнообразие, скорее фрагментацию, чем сближение. «Ключевой вопрос, который при этом возникает: способны ли эти особые культурные идентичности (созданные из унаследованных от единичных историй и переработанные в новом контексте материалов) коммуницировать друг с другом?» [8, с. 55].

В результате остается очень небольшой пространственно-временной интервал для вывода, звучащего так: «Протоколы коммуникации между различными культурами являются важнейшей проблемой для сетевого общества, поскольку без них не существует общества, но только доминирующие сети и сопротивляющиеся общины» [8, с. 55].

Четырехшаговое развитие суждений, ориентированных на стремление улучшить коммуникации между людьми и культурами, дает М. Кастельсу возможность убедительно и четко концептуализировать понятие культуры сетевого общества. «Общая культура глобального сетевого общества является культурой протоколов коммуникации, позволяющей осуществлять коммуникацию между различными культурами не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации. <...> Глобальная культура – это культура коммуникации, ради продолжения коммуникации. Это незамкнутая сеть культурных смыслов, которые могут не только сосуществовать, но также взаимодействовать и изменять друг друга на основе этого обмена. Культура сетевого общества – это культура протоколов коммуникации между всеми культурами в мире, развивающаяся на основе общей веры во власть сети и синергии, возникающей при передаче информации другим и получении ее от других. Процесс материального созидания культуры сетевого общества происходит ныне, и он не закончен» [8, с. 56].

Именно социокультурная обусловленность социальных сетей, их опора на действующую в каждой стране доминирующую (а порой и оппозиционную к ней) систему культуры создает мощные предпосылки для формирования и практической реализации культуры сетевого управления. Учитывая основные особенности отстаиваемой М. Кастельсом сетевой концепции, израильско-американский профессор И. Адизес пишет, что «процесс управления определяется как культурно обусловленный и несущий ценностную нагрузку» [12, с. 21]. Культура сетевого общества позволяет более четко определить миссию каждой социальной организации, ее цели и задачи, пути и средства выполнения этих задач в ходе продвижения к стратегической цели.

Всемирно известный маркетолог Филип Котлер отмечает значимость социокультурных факторов для развития маркетинга и перевода его на более высокий качественный уровень эффективности. Исследователь подчеркивает, что на первый план маркетинговой деятельности в современном сетевом обществе выдвигается стратегический маркетинг, который пришел на смену прежним маркетинговым доктринам, ставящим в центр внимания компаний и фирм производимый продукт или его потребителей. Такие доктрины устарели и должны уступить место новому типу маркетинга, где потребители рассматриваются и оцениваются как многомерные, ориентированные на высокие цели личности, и даже как потенциальные партнеры. В бестселлере «Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе» Ф. Котлера, Х. Картаджайи и А. Септивана проблеме социокультурной обусловленности предпринимательской деятельности посвящен целый раздел «Социально-культурные преобразования», в котором разъясняются пути, способы и приемы осуществления тончайшего, изощренного воздействия на потребителя, затрагивающего не только разум и эмоции, но и душу человека [13, с. 163–181].

В идущей от М. Кастельса теоретико-методологической парадигме сетевого общества Д. Старк (США) и Б. Ведреш (Венгрия) выявили и проинтерпретировали специфическую форму сетевой топологии – структурную складку. Они утверждают, что «акторы такой структурной складки представляют собой множественных инсайдеров, усиливающих свободу доступа к разнообразным ресурсам», вследствие чего наличие в сетевых структурах структурных складок способствует «улучшению экономической результативности групп», а также оказывается исключительно полезным в тех случаях, когда в качестве цели выступает обеспечение инноваций. Исходя из этих утверждений, сторонники представленной парадигмы «разрабатывают концепцию межгрупповой сплоченности – особой сетевой структуры, состоящей из пересекающихся

сплоченных групп» [14, с. 69, 71, 73]. Данная концепция исходит из того, что в процессе развития взаимопроникающих сплоченных структур возникает «особая структурная позиция, структурная складка как специфический социологический объект», акторы которого «являются множественными инсайдерами, участвующими в интенсивных сплавивающих связях, помогающих близко познакомиться с особенностями поведения членов их групп» и обрести «свободный доступ к разнообразным ресурсам <...> в качестве узла сети, общего для многих групп, структурные складки являются ресурсами для самих групп <...> поэтому межгрупповая сплоченность – это продуктивная сплоченность, не порождающая обособленности» [14, с. 74].

Эмпирический анализ и теоретическое эксплицирование различных компонентов сетевой топологии предпринимательских структур дают доказательный фактологический материал, позволяющий сделать вывод о том, что социальные организации представляют собой не только организационные структуры с четко очерченными границами, но одновременно и специфические социальные структуры, включающие в себя целый ряд взаимодействующих в межфирменных отношениях предприятий и учреждений, характеризующихся межгрупповой сплоченностью, достаточно высоким уровнем взаимного доверия, экономической и социальной результативностью. Важнейшая характерная черта социальной организации, которая раскрывается в ее деятельности и содействует повышению эффективности, состоит в том, что организация не остается навсегда одной структурой, а обладает динамической изменчивостью, чутко воспринимает перемены, происходящие как в ней самой, так и в окружающей социальной среде. Эта особенность приобретает приоритетную значимость в условиях становления и развития основных тенденций постиндустриальной информационной эпохи.

Современная социальная реальность (экономика, политика, культура, привычки, взгляды, жизненные позиции человека) чаще всего утрачивает черты прежнего, линейно развивающегося, предсказуемого процесса, все активнее насыщается элементами нелинейности, непредсказуемости, поливероятности. В связи с этим наряду со структурным подходом, исследующим преимущественно статику организаций, возрастающее значение приобретает поведенческий подход, ориентированный на выявление динамики организации. Решающее значение здесь придается действующему в организации человеку (множеству людей), его профессиональной подготовленности и компетентности, способностям, мотивации к труду и достижению поставленных целей. В этих динамично трансформирующихся условиях резко возрастает

роль человекоориентированности социальной организации в масштабах не только страны или региона, но и всего мира, включая ООН.

Чтобы быть успешной и эффективной, социальная организация должна стать гуманистически ориентированной, принимать во внимание тот факт, что человек затрачивает значительное по продолжительности и продуктивно используемое время не только для зарабатывания денег, но и в целях саморазвития. Важнейшим мотиватором повышения эффективности трудовой деятельности в организации становится удовлетворенность человека содержанием и условиями труда, которая пролегает через духовный мир человека, его чувства, сознание, волю, мировоззренческие установки, убеждения, гражданскую позицию, которые спрессованы и эмоционально воплощены в культуре.

Исследуя культуру современного общества с позиций сетевого философско-социологического анализа, М. Кастельс отмечает, что возникающая и функционирующая в локализирующемся мире культура сетевого общества создает предпосылки и возможности для координации устремлений и действий между многочисленными сетевыми акторами посредством использования свойственных этой культуре ценностей и стандартов. Тем не менее, применяя данные стандарты, необходимо иметь в виду возможность непредсказуемых информационных турбуленций, которые вполне вероятны в электронном гипертексте глобальных сетей мультимедийного бизнеса и обеспечении глобальной безопасности. Такие информационные турбуленции могут возникать в различных источниках, в частности в социальных группах и общностях, обладающих различными субкультурами и руководствующимися специфическими интересами. Резюмируя эти суждения, М. Кастельс подчеркивает, что конфликты нашего времени являются борьбой связанных в сеть социальных акторов, которые стремятся привлечь потенциально заинтересованные группы и организации с помощью решающего подключения к мультимедийным коммуникационным сетям.

Такие тенденции, считает М. Кастельс, стоит внимательно отслеживать и учитывать, «потому что культурное разнообразие мира должно быть ограничено некоторыми общими рамками, которые относятся к дискурсам, передающим разделяемые интересы каждой глобальной сети, которая скорее дополняет специфические культурные идентичности, чем вытесняет их» [8, с. 70]. Чтобы глобализация осуществлялась в интересах человека, нужно отстаивать дисциплинарный дискурс, способный фреймировать специфические культуры. А для достижения этой цели необходимо не только развивать доминирующие ценности, но и оказывать поддержку альтернативным ценностям и интересам. При этом следует руководствоваться признанием того, что «общественное сознание как набор ценностей и фреймов, которые широко распространены в обществе, является в конечном счете именно тем, что влияет на индивидуальное и коллективное поведение, программируя коммуникационные сети – главный источник культурных данных» [8, с. 73].

В условиях становления и развития сетевого общества, в котором любое творение культуры может быть доставлено потребителю в любую точку пространства и времени, социокультурная обусловленность развития социальных сетей существенно возрастает, втягивая в свою орбиту множество различных по своим интересам, потребностям, мировоззренческим убеждениям и ценностным ориентациям читателей, слушателей, зрителей. В результате возникают и распространяются в планетарном масштабе различные варианты восприятия, оценки, предпочтения, одобрения или критики тех или иных направлений культуры и их влияния на развитие всех сегментов многогранного и многоаспектного сетевого общества. Это ведет к становлению культуры сетевого общества как мощного фактора структурирования современного социального мира, сглаживания в нем информационных и других социальных турбуленций, формирования устойчивых связей в пространстве и времени между людьми, их человекоориентированных межкультурных взаимодействий.

Библиографические ссылки

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеевой. Екатеринбург, 2004.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М., 1998. Т. 1 : Гештальт и действительность.
3. Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество. 2012. № 1. С. 65–75.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / под науч. ред. О. Н. Шкартана. М., 2000.
5. Пригожин И. Р. Сетевое общество // Социол. исслед. 2008. № 1. С. 24–31.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
7. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

8. *Кастельс М.* Власть коммуникаций : пер. с англ. / под науч. ред. А. И. Черных. М., 2016.
9. *Бабосов Е. М.* Основы идеологии белорусского государства. Минск, 2013.
10. *Кузнецов В. Н.* Социология идеологии. М., 2005.
11. *Макаревич Э. Ф., Карпукhin О. И.* Культура массовых коммуникаций // *Культур. политика*. 2008. № 4. С. 30–40.
12. *Адизес И.* Как преодолеть кризисы менеджмента. СПб., 2006.
13. *Котлер Ф., Картаджайя Х., Септиван А.* Маркетинг 3.0. От продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе. М., 2011 С. 163–181.
14. *Ведреш Б., Старк Д.* Структурные складки: продуктивный разрыв в пересекающихся группах // *Экон. социология*. 2010. Т. 11, № 4. С. 69–104.

References

1. Castells M. [The internet galaxy: reflections on the internet, business and society]. Ekaterinburg, 2004 (in Russ.).
2. Spengler O. [The decline of the West. Essays on the morphology of world history] : in 2 vol. Moscow, 1998. Vol. 1: Form and actuality (in Russ.).
3. Filimonov G. Yu., Tsaturyan S. A. [Social networks as an innovative mechanism of «soft» impact and management of mass consciousness]. *Politika i obshchestvo*. 2012. No. 1. P. 65–75 (in Russ.).
4. Castells M. [The information age: economy, society and culture]. Moscow, 2000 (in Russ.).
5. Prigogine I. R. [Network society]. *Sotsiologicheskie issled.* 2008. No. 1. P. 24–31 (in Russ.).
6. Castells M. [The formation of a network society]. In: V. L. Inozemtsev (ed.). *A new post-industrial wave in the West*. Moscow, 1999. P. 494–505 (in Russ.).
7. Parsons T. [About social systems]. Moscow, 2002 (in Russ.).
8. Castells M. *Communication power*. Moscow, 2016 (in Russ.).
9. Babosov Ye. M. [Fundamentals of the ideology of the Belarusian state]. Minsk, 2013 (in Russ.).
10. Kuznetsov V. N. [Sociology of ideology]. Moscow, 2005 (in Russ.).
11. Makarevich E. F., Karpukhin O. I. [Culture of mass communications]. *Kul'turnaya politika*. 2008. No. 4. P. 30–40 (in Russ.).
12. Adizes I. [How to overcome the crises of management]. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
13. Kotler F., Cartagia H., Septivan A. [Marketing 3.0: From products to consumers of the human spirit]. Moscow, 2011. P. 163–181 (in Russ.).
14. Vedresh B., Stark D. [Structural folds: productive gap in intersecting groups]. *Econ. sotsiologiya*. 2010. Vol. 11, No. 4. P. 69–104 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.